

писк вдруг проснувшегося под утро соловьёнка, опьянеть от запаха резеды или фиалки. Его нежное сердце умело любить, и как трогательно, с каким трепетом, изяществом или грустью описывает он любовь мужчины и женщины («Гранатовый браслет», «Молох», «Суламифь»), отца и подростка-сына, мечтающих отправиться в путешествие и заранее знающих, что ничего-то у них не выйдет («Путешественники»); старого и одинокого русского профессора, оказавшегося в нищете на чужбине, к чужой девочке, которой профессор на последние свои деньги покупает подарок — маленького игрушечного фокстерьера («Жанета»).

Куприн — певец чистого, возвышенного чувства, сопряжённого с восторгом и наивностью, ощущением счастья и полёта. Здесь нет слащавости и сентиментальности, вычурности, надуманности и позы. Здесь всё — изящество, простота и утончённость.

Наверное, нужно быть очень грубым и зачерствелым человеком, чтобы после прочтения купринских новелл о любви не возжелать хотя бы раз (или ещё раз!) испытать молчаливый восторг перед дорогим

существом, ощутить в себе способность и готовность умереть за того, кого любишь, и издалека, боясь показаться назойливым, преклониться...

И какой гнев, какое возмущение слышны с каждой страницы «Ямы», повести о доме терпимости, где лучшее из человеческих чувств попирается соглашательством с пороком и наивно-бесстыдной его эксплуатацией. И те из несчастных обитательниц этого страшного места, что сохранили представление о цене своей жизни и своего ремесла, выделяются на улице какой-то неуловимой вульгарностью, той особенной печатью, которую беспощадный порок навсегда запечатлел на их телах и лицах. Даже старый приживал превращается здесь в человекоподобное существо.

Излишним было бы говорить о

Куприне, как о ненавистнике пошлости, поскольку те же самые слова можно отнести ко всякому большому писателю. Ненависть подобного рода есть, вероятно, синдром болезни под названием «писательство». Если человек заражён этим «вирусом», на малейшие проявления обмирщённости, суетности и мелкосмысленности организм его ответит идиосинкразией. И даже внутри литературной среды резко отрицательная реакция на пошлость поможет отличить писателя от графомана. Что же это за ненавист-

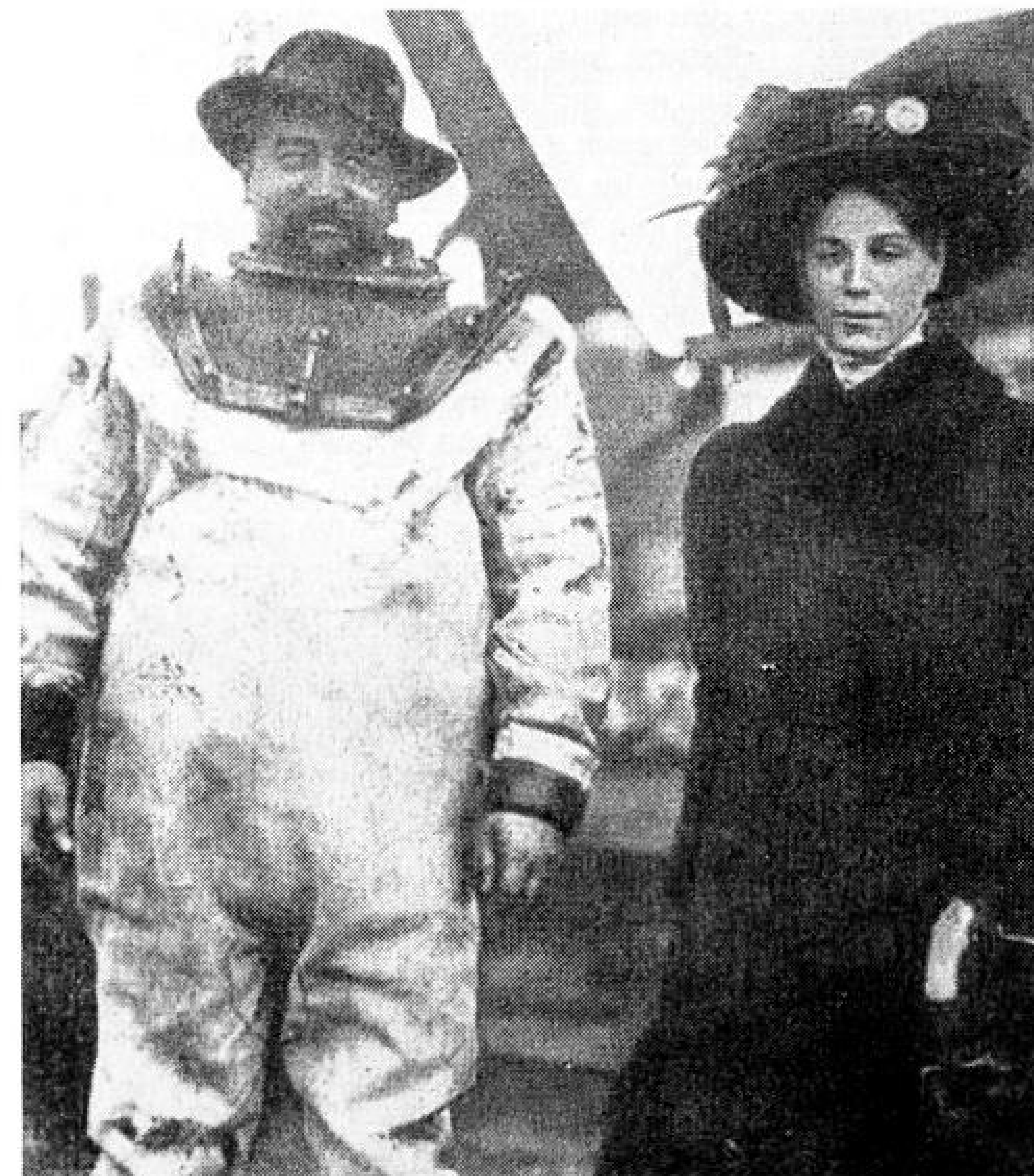
С женой Елизаветой

ная писателям пошлость? Прочтите описание семейства Зинёнок в «Молохе», и всё сразу станет понятным...

Куприн никогда не писал литературных манифестов. Считается, что он не разработал нового стиля и ничем не обогатил теорию литературы. Но это именно Куприн оставил «десять заповедей» писателя, которых придерживался и сам. Это именно Куприн указал молодому писателю, как организовать свою работу. Конечно, и до и после Куприна подавались советы и составлялись некие профессиональные кодексы. Но купринский кодекс, сформулированный предельно чётко и кратко, находится вне стилей и направлений. Он универсален, и, чтобы заострить перо, ему могут следовать представители любых литературных течений.

«1. Если хочешь что-нибудь изобразить... сначала представь себе это совершенно ясно: цвет, запах, вкус, положение фигуры, выражение лица... Найди образные, незатасканные слова, лучше всего неожиданные. Дай сочное восприятие виденного тобою, а если не умеешь видеть сам, отложи перо...

2. В описаниях помни, что так называемые картины природы видит действующее лицо: ребёнок, старик, солдат, сапожник. Каждый из них видит по-своему... Если описываешь

Писатель перед полётом на воздушном шаре